

Позднее раскаяніе.

(Быль изъ жизни совращенныхъ).

Шелъ 1911-й годъ. Стояли теплые майскіе дни. Днемъ яркое солнце свѣтило съ голубыхъ небесъ и согрѣвало влажную землю. По ночамъ шли тихіе весенніе дожди.

Подъ дѣйствіемъ тепла и влаги въ природѣ все нѣжилось, все цвѣло-благоухало, все обѣщало земледѣльцу обильный урожай и манило его изъ селъ и деревень на просторъ полей и луговъ, подъ тѣнь зеленыхъ рощъ.

Въ одинъ изъ такихъ благодатныхъ майскихъ дней не могъ и я усидѣть дома, захотѣлось мнѣ взглянуть на церковные поля и луга, расположенные верстахъ въ трехъ отъ села. Я шелъ пѣшкомъ. Безконечно длинное село. По обѣимъ сторонамъ широкой улицы стоятъ грязныя, закоптѣлыя, покачнувшіеся въ разныя стороны избы. Вотъ и храмъ, заброшенный, съ отпавшей штукатуркою, проржавленной крышей, съ упавшею деревянной оградю. Грустно стало мнѣ и захотѣлось поскорѣе выйти изъ села.

За селомъ все радовало взоръ, — и безконечный просторъ полей, и уходящіе въ даль зеленые луга съ двумя полноводными рѣками, и зеленый лѣсъ, синѣющій по крутому берегу рѣки. Я повернулъ въ луга по узенькой тропинкѣ. Подъ теплыми лучами весенняго солнца все нѣжилось, — и изумрудные луга, и зеркальныя рѣки, и темный зеленый лѣсъ. Тишина была ничѣмъ невозмутимая. И думалъ я: Господи, какую благодать, какое богатство посылаешь Ты! А люди забыли Тебя. Вотъ и храмъ въ заустѣннѣ, и прихожане разбрелись кто куда, — кто въ евреи, кто въ молокане, кто въ баптисты, а кто и совсѣмъ потерялъ вѣру.

Луга становились все шире и шире. Съ луговой стороны, на самомъ берегу рѣки стали показываться небольшія рощицы—крестьянскіе пчельники. Дорожка, причудливо извиваясь, привела меня къ одному изъ такихъ пчельниковъ. Онъ обведенъ былъ глубокимъ ровомъ, наполненнымъ водою, съ внутренней стороны обсаженъ разнообразными деревьями и кустами, которые закрывали его со всѣхъ сторонъ. Съ большимъ трудомъ перебрался я черезъ ровъ, прошелъ сквозь чащу деревьевъ и невольно остановился, пораженный красотой мѣстности. Направо отъ меня лежало громадное озеро, окаймленное молодыми порослями липъ и ивняка, налѣво зеленѣлъ лужокъ, на немъ стояли покрытыя берестой душлянки съ пчелами, тутъ же стояла ветхая покачнувшаяся на бокъ избушка съ плетневыми сѣнями. Далѣе виднѣлся широкій разливъ рѣки, а за рѣкой темный лѣсъ.

Около избушки на деревянной скамьѣ сидѣлъ безъ шапки и босый старый старичекъ. На немъ была посконная длинная рубаха, такіе же штаны. Жидкіе волосы его были острижены въ скобку и гладко примазаны. Онъ видимо грѣлся на солнышкѣ и думалъ свою думу, опустивъ костлявыя худыя руки на тощія колѣна ногъ.

Я подошелъ къ нему и сказалъ: «Здравствуй, дѣдь!» Онъ поднялъ на меня свои выцвѣтшіе, слезящіеся старческіе глаза и тихимъ голосомъ сказалъ: «здравствуй, милости просимъ, садись тутъ» и указалъ мнѣ на лавочку рядомъ съ собою. Я сѣлъ.

— Какъ хорошо здѣсь у тебя. Какая Божья благодать!

— Да, хорошо. И все это я своими руками сдѣлалъ. Вырылъ канаву, провелъ изъ рѣки воду, посадилъ каждое деревцо, каждый кустикъ, развелъ въ озерѣ рыбку, а

чтобы не уходила въ рѣку, перегородилъ плотиною и устроилъ въ протокъ рѣшетку. И пчелки у меня тутъ жужжать, и птички всякія поютъ, и рыбка, видишь какъ, плещется, и даже гады земные веселятся. На берегу озера, около пня срубленнаго дерева извивались два большихъ ужа, сверкая на солнцѣ своей бархатной кожей. «Все веселится тутъ, все радуется, все славословить Творца. Только я одинъ страдаю. Какъ вспомню долгую жизнь свою, страхъ беретъ меня и болитъ душа моя... Ты здѣсь недавно, ты не знаешь меня. Я Михей, въ молодости былъ православнымъ христіаниномъ, теперь я еврей. Загубилъ я жизнь свою, боюсь, не загубить бы мнѣ и грѣшную душу. Изболѣла, изстрадалась душа моя, некому открыть горе свое, свою муку».

И смолкъ какъ бы ожидая позволенія излить предомною свое горе, рассказать мнѣ свою долгую жизнь. «Говори», сказалъ я.

— Ну слушай и не осуждай.

Родился я въ Казачьей Слободѣ отъ православныхъ родителей. Жили мы недалеко отъ церкви, любилъ я ходить въ церковь, научился читать и писать. Сравнялось мнѣ 18 лѣтъ, женили меня на дѣвушкѣ, и мы жили съ ней «душа въ душу». Пришло время идти мнѣ въ солдаты. Простился съ родителями и женой. Ужъ какъ они убивались, провожая меня. Служить меня послали въ Петербургъ. Начальство выбрало меня въ музыканты. Работа была легкая, музыка мнѣ легко давалась, времени свободнаго было много. Товарищи мои были все разновѣрцы,—и еврей, и нѣмцы. Подружился я съ евреями, люди они были богатые, меня полюбили. Стали они толковать мнѣ про свою вѣру, а христіанскую вѣру корить. Сталъ я колебаться. Служба моя приходила уже къ концу.

Товарищи мои еще пристальнѣе стали уговаривать меня принять еврейскую вѣру, а я все колебался. Одинъ разъ они, какъ бы не для меня, а такъ въ разговорѣ между собою, сказали: «у насъ для своихъ денегъ много, вотъ если бы Михай Черновъ (это мое имя и фамилія) принялъ нашу вѣру, мы бы дали ему много денегъ, чтобы онъ распространялъ нашу вѣру въ своей слободѣ. Недолго послѣ этого разговора думалъ я. Черезъ недѣлю я былъ уже еврей, обрѣзанный по закону Моисееву. Срокъ службы моей кончился, друзья мои дали мнѣ денегъ, взяли съ меня клятву, что я до смерти останусь евреемъ и буду распространять еврейскую вѣру. Обѣщали помогать мнѣ. Дали адресъ, какъ имъ писать.

Пріѣхалъ я въ свою слободу съ большими деньгами и съ новой вѣрой. Обрадовались моему возвращенію родители мои и въ особенности жена. А я не зналъ, что мнѣ дѣлать, жаль мнѣ было огорчать родителей и жену. Устроилъ я себѣ двѣ каменные избы, въ одной открылъ винную лавочку, другую приготовилъ для модельни. Тѣмъ временемъ родители мои умерли. Со смертью родителей руки у меня были развязаны. Я объявилъ себя евреемъ. Вынесъ изъ избы иконы. Жена моя и слышать про еврейство не хотѣла. Пошли у насъ раздоры»...

Вдругъ недалеко отъ насъ на озерѣ раздался всплескъ воды и чрезъ мгновеніе высоко надъ водою поднялась голова ужа, во рту у него трепетала и билась блестящая на солнцѣ рыбка. Медленно поплылъ онъ съ своей добычей къ озеру и скрылся въ кустахъ.

«Ахъ злодѣй!», воскликнулъ Михай и еще ниже поникъ головой.

«Такъ билась и моя голубка въ моихъ рукахъ, началъ снова онъ, и плакала, и ласкалась ко мнѣ, и на колѣ-

няхъ умоляла меня, чтобы я не принуждалъ ее идти въ еврейство, но я былъ непреклоненъ. Я началъ бить ее и глумиться надъ ней. А ей бѣдняжкѣ не куда было приклонить голову. Она была круглая сирота. Однажды, послѣ ссоры, со мною ушла она къ своему дядѣ, упала предъ нимъ на колѣна и со слезами просила принять ее къ себѣ, давала ему за это 100 рублей. Дядя, обласканный мною, не только принялъ ее, но и выдалъ ее мнѣ, — пришелъ и рассказалъ мнѣ все. Я проводилъ дядю и какъ лютый звѣрь ждалъ возвращенія жены. Скоро пришла и она грустная и виноватая... Я занеръ дверь, разорвалъ на ней одежду, сбиль ее съ ногъ, и началъ бить. Билъ я ее беззащитную, немощную, ужъ сколько билъ — не помню. Когда опомнился, она лежала на полу вся растерзанная, избитая, окровавленная. Съ большимъ трудомъ встала она съ пола и, пошатываясь, упала на задникъ и горько-горько зарыдала.

Я вышелъ изъ избы и ушелъ въ городъ. Поздно вечеромъ я возвращался домой. Не зналъ я, какъ и въ избу свою войти, какъ попадаться на глаза своей женѣ. Къ великому моему удивленію она встрѣтила меня и заплетающимся языкомъ сказала: «не бей меня, я согласна быть еврейкой»... и засмѣялась. Я взглянулъ ей въ глаза и понялъ, что загубилъ я свою голубку. Съ тѣхъ поръ всю жизнь свою страдаетъ она, страдаю съ ней и я.

Далѣе дѣла мои пошли лучше. Въ лавочку ко мнѣ стали собираться крестьяне, я имъ толковалъ о новой вѣрѣ и корилъ православную. Нѣкоторыхъ выручалъ изъ бѣды, давалъ денегъ, кому пять, кому десять рублей, а кому и больше, кому въ заемъ, кому и безвозвратно. Народъ толпами шелъ ко мнѣ, но еврейство принять пожелали только нѣкоторые. Я принималъ ихъ и совер-

шаль надъ ними обрѣзаніе. Обращались въ еврейство все неграмотные и больше изъ молоканъ, такъ какъ молоканская вѣра въ это время была запрещена правительствомъ.

Мнѣ хотѣлось завлечь къ себѣ людей грамотныхъ изъ молодежи для пѣнія и чтенія на собраніяхъ. Скоро и намѣтилъ двухъ молодыхъ людей, хорошихъ пѣвцовъ и чтецовъ. Сталъ ихъ зазывать къ себѣ, угощать, бесѣдовать съ ними о вѣрѣ. Скоро перестали они ходить въ церковь и пожелали принять еврейство. Узнали объ этомъ родители ихъ и всѣми силами стали удерживать ихъ отъ еврейства. Одинъ изъ нихъ отказался совершенно отъ православной вѣры, не послушалъ родителей и принялъ еврейство. Другого я никакъ не могъ обратить въ еврейство, принялись за него мать его и жена. Пришли онѣ ко мнѣ и умоляли меня оставить ихъ сына и мужа въ покоѣ и не губить его. Не выдержалъ онъ, умолили его мать и жена, ушелъ опять въ православіе и больше у меня не бывалъ, даже сталъ бояться со мной встрѣтиться.

— Кто это такіе? спросилъ я.

— Здѣшніе крестьяне С. В. и Т. М., ихъ всѣ знаютъ.

— А какъ теперь они живутъ?

— Теперь живутъ они совсѣмъ разнo. С. В. еврей живетъ плохо. Не ходитъ на еврейскія собранія, не исполняетъ ни православныхъ, ни еврейскихъ обрядовъ, ведетъ зазорную жизнь, жену свою красавицу отдалъ сосѣду еврею за возъ ржи, а самъ живетъ кой-какъ, беззаконно.

— Ну, а Т. М. живетъ прекрасно, сказалъ я, ни одной церковной службы не пропускаетъ, читаетъ въ церкви и поетъ, учить чтенію и пѣнію крестьянскихъ дѣтей.

Т. М. служить украшеніемъ всего прихода, вся семья его очень богомольная и очень хорошая.

Ужъ не отъ еврейства ли погибъ и С. В. спросилъ я.

Помолчавъ немного, Михей продолжалъ: «Сталъ я старѣть, изъ Петербурга перестали высылать деньги.

Въ общинѣ вмѣсто меня выбрали молодыхъ наставниковъ, людей нетрезвыхъ, къ религіи неусердныхъ.

Теперь мы собираемся на молитву только по большимъ праздникамъ, обряды еврейскіе плохо соблюдаются, — все пошло прахомъ, пропали всѣ труды мои!

И дѣти мои неудачные, разорился я, обѣднѣлъ.

Только и отвожу душу весной на этомъ пчельникѣ.

— «Брось ты свое еврейство, вотъ и успокоится душа твоя», сказалъ я.

«Нѣтъ я умру въ еврействѣ, я клятву далъ, а вѣру православную я не корю, корилъ раньше, теперь не корю. Я скоро умру, помолись о моей грѣшной душѣ, если это тебѣ возможно».

И слезы закапали изъ его старческихъ глазъ.

Былъ уже вечеръ, я поспѣшно пошелъ домой.

Въ началѣ 1912 года Михей умеръ, чрезъ нѣскольکو мѣсяцевъ умерла и жена его. Схоронили ихъ на еврейскомъ кладбищѣ за селомъ.

Священникъ села Казачьей Слободы

Владиміръ Вагрянскій.

Зерей Петръ Иоанновичъ Алексѣевъ.

26-го февраля 1914 года въ Елатомскомъ Спасо-Преображенскомъ Соборномъ храмѣ происходило скромное отпѣваніе умершаго 23-го февраля заштатнаго священника села Савостьянова, Елатомскаго уѣзда, о. Петра Иоанновича Алексѣева. Литургія совершалась Святаго